

Оливия КРОСС

ТАЙНЫ ПОМЕСТЬЯ ДЕМИДОВЫХ
книга 8

ВОЗВРАЩЕНИЕ
В ГНЕЗДО

ОЛИВИЯ КРОСС

Тайны поместья Демидовых

<https://litres.ru/74111539>

SelfPub; 2026

Аннотация

семе

Восьмая книга цикла о Демидовых - самый напряженный и психологически точный роман серии. Здесь нет случайных слов: каждый жест, каждая пауза, каждое движение руки на кромке стола становятся сигналом. Дом дышит, слушает и помнит.

После того как Марк и Лидия вскрыли теневые схемы «Гермеса», враги переходят в наступление. Письмо без адресата с фразой «Вы выбрали друг друга» - не просто угроза. Это попытка назначить «главного» и расколоть их изнутри.

Но Демидовы умеют читать не только архивы, но и ночи. Они ждут «окно» в 22:03, сдвигают периметр, переставляют форточки и записывают каждое «цок» панели. А когда в три часа ночи к сейфу подходит свой человек с пистолетом - начинается настоящая проверка на доверие.

Эта книга - о тишине, в которой слышно больше, чем в крике. О ритуалах, спасающих не хуже пуль. И о выборе: оставаться в тени или выйти на свет, даже когда по тебе стреляют.

Если вы ждали детектива, где каждый жест - улика, а каждый разговор - битва - это он.

ОЛИВИЯ КРОСС

Тайны поместья

Демидовых

ВОЗВРАЩЕНИЕ В ГНЕЗДО

Книга 8

Эпиграф

«Вы выбрали друг друга. Главная роль — у того, кому вы больше всего доверяете.»

Глава 1 . После зала

Лидия вошла в малую и сразу поставила лампу на полделения ниже. Свет лёг на стол не «в лоб», а полосой, как надо,— ровно, без бликов по кромке. Окно она открыла «на палец»: тонко повело воздухом от стекла. Графин с водой — ближе к краю, стаканы — рядом. «Домовой» — на чистой строке.

Руки — на стол, пальцы — параллельно краю. Сначала — дыхание: раз, два. Потом — дела. Она вписала крупно:

«Неделя людей». Ниже — столбцом, как список инструментов на подносе: «встречи/цеха/по 100, зал; «вопросы» — через руку; отдел работы с людьми — «горячая линия» (тел./почта/часы); письмо банкам — «в руки»; письмо партнёрам — две строки; сайт фонда — «цели/совет/контакты/отчёт»». Всё — без «вдохновить», без «героизмов». Только то, что держит день.

Шаги в коридоре она узнала до вида. Темп — на полдоли медленнее, чем обычно, но без «срыва». Он вошёл к окну и встал, как он это умеет: ладонь — на ручку, не «держатель», «проверить». Пальцы лёгки так, как ложатся у него на кромку стола перед тем, как «ломать plombу». Лидия увидела это впервые за утро и поймала в себе точное «да»: это его якорь. И её — тоже.

— Зал готов, — сказала она, не поднимая тон. — Воды хватает. Люди — к девяти.

Он кивнул — не глазами, рукой: пальцы чуть сильнее сжали металл и отпустили. Эта мелочь стоила больше добрых фраз. Он подошёл к столу, положил ладонь на край — параллельно её ладони. Они посидели так секунду — без слов. Ритуалы в этом доме всегда возвращают воздух к телу.

Василий постучал в косяк два раза — «я здесь» — и

остался у порога.

— Охрана — у ворот. Пресса — «кофе остынет». Зал — «стулья по трём», стол — «прямо». С утра — столярка; в одиннадцать — механики; после — уборка и сад. — Он сказал «данные», не «новости».

— И — в спальне плёнка на зеркале, — добавила Лидия.
— Пусть висит.

— Уже, — кивнул он и исчез.

Лидия прошла в галерею. Ленточка «мягкая» тянулась между крючками; «тени» — светлые прямоугольники — смотрели не «обидой», а «листами под стекло». Она провела кистью по воздуху — рука привыкла держать пыль «на расстоянии». Ходить по дому с лёгким инструментом в руке — это её способ держать «ровно».

В зале стулья стояли ровными тремя рядами. На стол — без изысков — вода, два тонких стакана. Запах свежего воска с пола скользил низом. Сцены в этом доме не любили — здесь всегда был «стол».

К девяти вошли столяры. Пахли лаком и стружкой; у некоторых мизинец оттопырен — привычка держать нож по-сво-

ему. Сели без «раскладушек»: промолчали, смотря на стол. Василий поставил на край воду — ближе к руке, не в центр. Марк встал рядом со столом, не напротив людей — под углом. Голос — такой, каким он говорит в малой: без «выстрелов», с паузами «на смысл».

— Правда, — сказал он. — Исправляем. Работаем.

Три слова сказали за него лишнее. Он добавил две строки: «что было — факт»; «что делаем — фонд/процедура/люди». Ни слова «род», ни слова «стыд». Вопросы собирались «через руку»: не «броском» в зал, ладонью — поднял — получил взгляд модератора зала — Марка — получил слово.

— Зарплата — вовремя? — спросил мужчина в рабочем фартуке, не вставая.

— Да, — сказал Марк.

— Нас теперь «в газетах» писать будут? — из третьего ряда, сухо.

— Пусть пишут, — ответил он. — Нам важно, что мы делаем. — Он запомнил глаза говорящего: усталые, без «охоты». В этом городе люди любят, когда им говорят «не лечим, работаем».

Лидия сидела сбоку — «в линии». Она записывала три слова в «домовой» — не «цитаты», «темы»: «зарплата», «не кинете», «пишут/делаем». Под «темами» — коротко «тон: ровно». Больше и не надо.

В одиннадцать — механики. Вошли с запахом масла и железа; у одного на руке — масло въелось в поры, его не смыть мылом никогда. Был вопрос, который нельзя не задать:

— А вам не стыдно? — сказал мужчина из заднего ряда.

— Стыдно за молчание, — ответил Марк. — Я исправляю делом. — Он не «объяснял», он «делал фразу». Мужчина опустил голову — не «побеждён», «услышал».

— Работать — как будем? — спросил другой.

— Как всегда, — сказал Марк. — Справедливее. — И добавил: — Вопросы — завтра — ещё. Встречи — будут. — Он не «утешал». Он «называл расписание». Лидия отметила для себя, как у него меняется дыхание, когда кто-то выносит «острие». Не вслух, запись в себе: «вдох вниз, голова — «на месте»». Она рукой провела по кромке «домового» — бумага сухая, шершавит чуть кожу — это её прибор.

После обеда — уборка и сад. Женщины пахли чистой водой и хлоркой; мужчина в зелёной куртке — мокрой травой. Вопросы — «детсад», «формы», «куртки для осени».

— Детсад не закрываем, — сказал Марк. — Если что — скажем раньше, чем «колонка». Вы нас знаете. — Женщина с короткой стрижкой улыбнулась едва; на лице стало теплее — тонкая морщина у глаза поменяла направление. Этот маленький сдвиг Лидия всегда видела.

Между встречами Лидия возвращалась в библиотеку. Это была не «проверка комнат», а «проверка пульса»: лампа — «на ноль», окно — «на два пальца», сукно — «ровно». Она касалась кромки ножа — не лезвия, ручки — почувствовать холод. Это возвращает голову лучше кофе. Дом ответил «угу» в щитовой — можно идти дальше.

В два — письмо банкам «в руки». Это не «их сцена», это «его»: Марк говорил сухо, коротко, без «образов». Лидия записывала для себя: «письма ушли/курьеры/в руки».

К четырём — тише. Василий задвинул на место последние стулья, принёс термос с травяным чаем в малую. Они с Марком сели — один миг — выпили по глотку. Не «перекус», «дыхание».

— «Правдивые» — вечером, — сказала она. — Сейчас — «ещё зал».

— «Да», — ответил он.

В шесть — пусто. Зал заслушан, вода налита, графины пусты. Лидия вернулась в малую. Свеча ещё не горела. Он стоял у окна — пальцы на ручке окна — якорь. Она подошла к столу и перед тем, как взять полоску бумаги, положила ладонь на кромку — параллельно его ладони. Это был не сигнал, не «договор». Это было «на месте». Он посмотрел — коротко — «вижу».

Она взяла полоску. Написала: «Я буду говорить «в библиотеке душно» до, а не после — когда захочется «ехать спасать»». Сложила пополам. Положила в «свечную». Закрыла. Он пододвинул свою полоску, взглянул на её руку, лежащую всё там же — на кромке. Это и был их правильный «ритуал».

— Я, — сказал он и написал: «Я скажу, прежде чем «делать за нас», даже когда «спешу»». Положил рядом.

Лидия улыбнулась уголком — это их язык. Она потянулась к спичкам, чиркнула. Свеча зажглась ровно: фитиль — короткий «хрип», пламя — «запятая». Пахнуло воском — быстро прошло в окно.

Вечером дом взял тише. Они разошлись в разные комнаты — не «врозь», «по местам». Перед тем как лечь, Лидия остановилась в коридоре — прислушалась. В соседней — у окна — слышно было его дыхание: не «ровный сон», «дыхание бодрствующего» — более длинный выдох, чем вдох. Она ничего не сказала. Не спросила. Пошла к себе. В этом «ничего» — был весь дом: слышать и не вмешиваться, если «не сейчас».

Наутро ей нужно было снова вернуться к «людям» — к «вопросам через руку», к сухим «да/нет», к воде в графинах и к лампе на полделения ниже. Но утро ещё не наступило. Ночь встала на дом ровно — как стекло на лист. И в этой ровности было их общее «мы».

Глава 2 . Дорога

Перед выездом они оба по привычке остановились не у двери, а у стола. Это в доме давно стало первой операцией: не найти ключи, не проверить телефон, а положить ладони на кромку — параллельно. Пальцы легли на дерево так, как ложатся инструменты на сукно перед началом работы: молча, точно, без «на удачу». Лидия на секунду посмотрела на их руки — на этот узкий зазор «на палец» между ладонями — и ничего не сказала. Марк уловил, что именно он остав-

ляет здесь, а не «берёт с собой»: не лампу, не блокнот, а этот зазор — место, куда можно вернуться. Мысль была такой короткой, что не успела превратиться в слово.

— Я — в город, — сказал он вслух. — «В руки» — банки, совет — коротко.

— Я — «дом/люди», — ответила она. — Если «душно» — скажи.

Он кивнул. Пальцы чуть мягче сжали кромку. Это была их «да» без слов.

В гараже пахло как надо: металлом, пылью, деревом стеллажей. Но в тени, у передней балки, сидела едва заметная, сладко-горькая нота — как будто переспелое яблоко лежало рядом с медной проволокой. Не запах «быстро», не «масла». Запоминалось телом, а не «списком». Марк на секунду остановился у порога, вдохнул. И не дал запаху перерасти в «тревогу» раньше времени. За последние месяцы он выучил, что вещи любят, когда их называют после того, как сделал «первое правильное».

Сел. Ремень прошёл по груди и щёлкнул, как всегда, — без «пика». Ключ повернулся мягко; лампы панели отработали свою маленькую пьесу: загорелись, погасли по очереди.

Он опустил стекло «на палец»: гаражный воздух выдохнул на лицо прохладой. В зеркало — ворота, мокрый гравий с упрямыми лужами, кусок серого неба — без «пятен». Он нажал на тормоз — твёрдо. Включил передачу. Машина тронулась так, будто у неё в моторе не было ни одной посторонней мысли.

Ворота раскрылись на его скорости. Сквозь прутья было видно, как капля на ветке липы отцепилась и упала на камень — тихо, без «щёлка». Он выехал, взял правее, пропустил пешехода у калитки. За поворотом — городской ритм: дворник с метлой, две женщины с сумками, одна собака, которой всё равно, кому сегодня в городе дают интервью.

Маршрут до банки был привычным. Он любил такие дороги, по которым едешь не для «перемен», а чтобы «закрепить». Машина слушалась. На прямом участке у парка он чуть нажал на тормоз и почувствовал: педаль отозвалась не тем сопротивлением — не ватой, ещё нет, но уже не тем, что лежит в ноге с юности. Палец чуть уткнулся в воздух. Лампочка на панели не загорелась; звук нигде не зазвенел. Он прибавил дистанцию, сделал вдох и отпустил. Внутреннее чувство лежало рядом, как ещё один инструмент на столе: «берём, когда надо».

На круговом у моста он притормозил раньше, чем обыч-

но: автобусы в этом районе любят резать углы. Педаль ушла глубже. Стало понятно — это не «кажется». Запах в салоне сдвинулся на полтона — сладко и вязко. Он опустил стекло ещё на полсантиметра; воздух с набережной охладил щеку, но нота осталась.

Тело стало очень конкретным. Любая лишняя мысль исчезла; остались «рука/нога/крутящий момент/звук». Он взял правую полосу, чуть ближе к бордюру. Окружение сузилось до трёх подробностей: блеск мокрой зебры впереди, красная куртка человека у перехода и тёмный корпус припаркованной фуры слева в зеркале. Пальцы на руле взяли ту же «ширину хвата», что и у ножа — не «сжать», «держат по кромке».

Провал случился в ту секунду, когда он нажал на тормоз, как всегда — с запасом. Педаль ушла мягко, как если бы под ступнёй была не доска, а ковёр. В голове поместилось одно: «ручник — дозировать, вниз, сцепление — выжать, передачу — пониже, руль — к обочине». Звук в салоне поменялся — мотор стал выше — не «кричать», «держат». Он надавил слегка на «ручник» — не дёрнул — три щелчка: машина взяла задними; руль — правее; шины спели по белой краске зебры; под правыми колёсами зашуршал щебень — мелкий, как сахар. Удар — не «сильный», «стоящий» — в невысокий деревянный рычаг ограждения. Ремень вцепился в грудь

и отпустил. Молчание в салоне было таким, как после закрытого ящика в библиотеке — мягким и полным. Полсекунды — пустота. Ни мыслей, ни картинок. В эту полсекунду, чистую, как лист до первой линии, всплыло не «дом», не «протокол» — ладонь Лидии на кромке стола, параллельно его. На этом образе голова сказала «жив» — и включила звук.

Он включил аварийки. Дверь — распахнулась с выдохом. Воздух ударил мокрым камнем и этой самой сладко-горькой нотой — ближе. Он нащупал в багажнике треугольник — поставил в нормативные три метра — красный отблеск упал на зебру. Вернулся к арке колеса; присел на корточки — не под машину — столько, сколько нужно, чтобы увидеть. Там, где гибкий шланг уходит в металлическую трубку, на резине шёл узкий, неширокий, но глубокий рез. Не «перетёрто». Не «сухость». Резаное. Пластиковый хомут сидел «не там», язычок был сорван, торчал криво. На клипсе — то самое «полупальце» — жирная блестящая луночка, не круглая, не квадратная — не «случайная». Пятно на асфальте — «ладонь» — по краю «молоко», в середине темнее. Всё, что нужно, чтобы назвать вещь своим именем после «первого правильного».

Мимо остановился мужчина в фланели — тот самый, который у любого моста.

— Помощь? — спросил он без «позы».

— «Скорая» — не нужна, — ответил Марк. — «Человек» — норм. «Жидкость» — не норм. Сейчас приедет свой. — Он улыбнулся не «успокаивая», «благодаря».

Он позвонил Василию. Говорил сухо — «три строки»:

— «Малый мост у каштанов». «Передний левый — «про-вал». «DOT» — запах. Пятно — «ладонь». Порез — вдоль. Аварийка — треугольник — стоят. Жив.

— Вижу, — сказал Василий. — Еду. «Скорая» — без звука — протокол. — И добавил: — Лидии — «коротко». — Иногда в его голосе жила эта человеческая нитка, которая в доме ценнее «решёток».

Звук «скорая» пришёл без sireны. Врачи — двое — в перчатках, пластиковый чемодан, фонарик. Давление — «в порядке», зрачки — «реагируют», ремень — «сделал свою работу». Никаких «позвоните кому-то прямо сейчас». Он кивнул. У него улыбка была в такие минуты даже по телу — не «на лице». Он умел не «переговаривать» страх.

Он набрал Лидию. Слова легли слоями: «жив», «плечо — тянет», «эвакуатор — едет», «Василий — рядом», «не езжай».

В трубке повисла пауза — не тишина связи, не пустота — её пауза, узнаваемая, когда она собирает «инструменты» на поднос. Он услышал эту паузу, как привык слышать тон форточки.

— Я слышу тебя, — сказал он.

— Знаю, — ответила она. Это «знаю» было короче, чем «любой поцелуй». Он убрал телефон. Внутри место под ремнём стало мягче.

Василий приехал быстро. На нём — другая куртка, нитриловые перчатки — тонкие, без «пудры», переносная лампа с «яйцом», малый зип-пакет, маркер, полоски пломб. Они с врачами обменялись двумя словами — «всё ок» — «уже уехали». Василий кивнул и опустился на корточки у арки — не туда, где машина «давит», туда, где видна «рана». «Косой» свет дал блеск по резине. Он посмотрел молча и тихо произнёс то, что в их доме произносится только после «первого нужного»:

— Не «сам». — И сделал «пробу» с края пятна, прочитал номер пломбы вслух, засунул в пакет, защёлкнул. Это делалось «для домового» и для неё — чтобы потом, когда она откроет, там всё звучало ровно.

Эвакуатор погрузил машину как книгу в короб — медленно, без «дёрга». Василий отослал её «туда, где у них смотрят, а не чинят» — к мастеру, который умеет «называть вещи» и не любит «Гермес». Марк взял такси; Василий поехал с эвакуатором.

До дома по набережной — десять минут. В такси он закрыл глаза не «спать», «вернуть дыхание в живот». Переехали мост — оборот двигателя у такси стал ниже, за стеклом деревья, как на старых открытках — мокрые ветви, глянцевые. Он вспомнил не педаль, не треугольник — ладонь Лидии на столе. И уже после — достал маленькую записную книжку «домовой», которую теперь носил в кармане, и написал: «время/место/событие/запах/кто». Поставил точку. Это был не «доклад». Это — «шов».

Дома воздух был другой — не «раскрытый», «собранный». В малой на столе лежал чистый полотняный чехол, рядом — пара сухих полотенец, грелка, пакет с холодом, ручной таймер. Всё было готово к «плечу» ещё до того, как он вошёл. Он понял, что не зря не «геройствовал». Узнал — как её рука обнимет его «после» без «шумов». Это стало легче глотать, чем воду.

Василий позже пришлёт в «домовой» сухие строки: «по-

рез вдоль», «язычок сорван», «клипса — «полупалец»», «DOT — проба — пломба». Он добавит в одну фразу «для людей»: «состояние — устойчивое». Но это — после. Сейчас Марк рукой нашёл кромку стола — параллельно. И дом ответил тем, чем отвечает всегда — «угу». Этого хватало на этот день.

Глава 3 . Возвращение

Лидия слышала его шаги раньше, чем увидела силуэт в дверях. Темп — на полдоли медленнее, чем обычно, но без «срыва». На третьей ступени он не давил на центр — шёл по краю; ткань пиджака, задетая о косяк, шуршала глухо — без «замаха». Она отметила это коротко: он держится.

К малой она подготовилась, как к столу перед работой. Лампа — на полделения ниже, чтобы свет лежал полосой, не резал глаз. Окно — «на палец», тонкая струя от стекла — влево, вдоль стола. На полотне — чистый чехол, рядом сложены два тонких полотенца, грелка, пакет с холодом, ручной таймер. На краю — «домовой», открытый на чистой строке; рядом — узкий карандаш, которому не надо точилки.

Он вошёл, остановился у окна на секунду, положил ладонь на ручку — не стискивая, проверяя «да». Пальцы легли так же, как у него ложатся на кромку стола перед началом. Она

отметила, как кожа на тыльной стороне его кисти изменила цвет в месте, где утром ремень врезался в грудь: теплей на полтона. Это — тоже «да».

— Плечо? — сказала она, не заглядывая в лицо, а на плоскость под ключицей.

— Тянет, — ответил он, коротко. — Ремень. Голова — ровно.

— Я буду говорить, прежде чем сделаю что-то, — сказала она, сразу кладя сухую салфетку под рукав, чтобы ткань не приклеилась, и приложила пакет с холодом — не плашмя, ребром, тонкой «линией» вдоль горячего места. Щёлкнула таймер на десять — мягко, чтобы звук был «в комнате», а не «в ушах». Положила ладонь рядом — не на пакет — рядом; так кожа слышит лучше.

В «домовом» она записала двумя словами: «10:12 — холод — плечо — Л.» и поставила короткую точку. Эти точки ей нравились: по ним день не уплывает в «рассказ», лежит «числами».

Плечо под пакетом стало прохладным; кожа под её пальцами сначала сжалась, потом «отдала». Он дышал «в живот», как надо, не «верхом». Из форточки тянуло сухим воздухом;

тонкая струя ударяла ему в шею и рассеивалась на ключице. Он не просил говорить о «машине». Она не спрашивала. Дом знал, что сначала надо «снять жар», а уже потом «переименовать».

— Десять, — тихо сказал таймер. Она убрала холод, положила сухое полотенце на пять — тепло сверху, чтобы сосуды «сели» как надо. — Готово. Дальше — шея.

Она поставила две ладони по бокам головы — не «надавить», «подставить».

— «Против моей руки» — чуть, — сказала. — Три — держим. — Он отвёл голову на мельчайший шаг, «вдавил» в ладонь — вдох носом, «животом», выдох длинней, чем вдох. С другой стороны — зеркально. Вперед — в её ладонь на лбу; назад — в спинку кресла, но осторожно, без «выпятить». Таймер — на три, «скрыто». Она не считала «раз-два-три». Говорила только «да».

Пальцы у неё перешли к трапеции — ближе к шее. Там, где у него на изломе плеча всегда находится незаметный «узел»: Лидия знала это место пальцами так же, как знает зубчики у своей любимой линейки. Сжала «узел» не силой — длиной пальца, вывела «сброс» к лопатке. Провела двумя пальцами вдоль ключицы ещё раз — коротко. У Марка по

коже пробежала едва заметная «гусиная» дорожка — не от холода — от того, что мозг догнал тело.

— Бинт, — сказала она. — На «день».

Она взяла эластичный бинт — мягкий, плотный, не «жёсткий». Поднял руку — он — на ладонь; она обернула диагонально — от ключицы через грудь под лопатку, «восьмёркой», по диагонали обратно. Кончик спрятала в клипсу, не «узлом». Проверила — «ищешь ли воздух» — нет. Дала чуть пройти плечом — вперёд-назад — «как в ванной» — работает. В «домовом» записала: «10:28 — бинт — Л.».

— «Люди»? — спросил он. — В зале.

— «Сказали/услышали», — ответила она. — «Правда/исправляем/работаем». «Завтра» — ещё. «Отдел работы с людьми» — запустили «горячую линию». — Она произносила сухо; ему эта сухость нравилась по-своему: в ней не было «внушить», только «положить».

Он кивнул.

— Запишу, — сказал, потянувшись за блокнотом. Вписал на короткую полоску, той же «домовой» руки, что и у неё: «до руля — «неделя»; ночь — «без экрана за час»; «упраж-

нения — каждые 3 ч.»». И добавил вслух — почти себе: — Не геройствую, потому что здесь ты. Она услышала. Не ответила. Открыла «домовой» и следующей строкой написала ровно: «10:31 — «сказал: «не геройствую, потому что здесь ты»». И поставила короткую точку. Нет смысла расширять — достаточно знать, что это «было». Бумага будет помнить, когда им пригодится «то, как он сказал».

Ему дали воду — два маленьких глотка. Вкус был простой, «из графина», без «жёсткой» хлорки — кухню Василий вчера промыл, прокипятил чайник, заменил картридж. «Операционная» дома — это не только библиотека с сукном и ножом, это и малые вещи. Он любил это — как знаки на внутренней карте: лампа «на ноль», окно «на палец», графин «смещён», домовой «чист».

Дзвонил «банк» — курьер «доставил», «получили». Он ответил: — «Спасибо. «В руки».» Положил трубку рядышком с лампой — экран вниз. Она тихо поправила бинт у плеча — «кончик» — под клипсу — на полмиллиметра.

Она встала. Ей надо было к залу на следующую встречу — «уборка» и «сад». Он остался — «плечо/домовой/малая». Её шаги в коридоре были такие же, как его утром — ровные, но не «спешащие». Он остался сидеть и слушал окно. Настенный таймер тихо тикал. Он не любил «сентименталь-

ный» тиканье часов, но сегодня оно было как метроном — ритм «встали/сделали/сели».

В обед она вернулась — ощущение с порога — воздух «теплее» на полтона — люди уносят с собой «влажный» шум, оставляют «сухой» порядок. Снова «холод/тепло». Таймер — десять/пять. Её руки двигались не «быстрее», «уверенней». Он расслабился до конца. Когда хотела укрыть его пледом — остановила руку на краю — вспомнила: «не делать за». Он сам потянул плед к себе на полладони. Она отметила — и отошла.

В паузе он дремал, не «провалился», а «сидел глазами закрытыми». Она села рядом, чуть дальше, чем обычно, положила ладонь на кромку стола — параллельно. Это делало комнату «плотной». Он почувствовал — «да» — но не сказал. В таких местах «слова хуже рук». Таймер дважды звякнул — она вернулась к упражнению: «голова — в ладонь — держим», «плечо — «подыми на ладонь»», доводя до того ощущения, когда мышцы «запоминают».

После второй встречи из зала вышла женщина с короткой стрижкой — та, которой она обещала утром «детсад». Лидия встретила с ней глазами в коридоре; женщина кивнула чуть выше, чем «просто привет»: «услышала». Такие кивки ничем не заменишь — ни «официальными письмами», ни

«сайтами».

У двери в гараж Лидия остановилась на минуту. Сладкая DOT-нота висела уже только в памяти. Василий перетянул сушку воздуха, «продув» — шторы на входном проёме растягивались едва — делали «заметно» в нос: «сухо». На арке висела тонкая полиэтиленовая плёнка с маркером «не трогать/осмотр». Это их язык — музейно-операционный. Она провела пальцем по краю плёнки — «сухая», не прилипает — «нормально». Больше ничего не нужно.

Вечером они снова сели вдвоём — чай, как всегда — не «праздник», «дальше». Он достал из внутреннего кармана «правдивое» — полоску, которую оставил пустой утром. Написал узко, читабельно: «Я скажу тебе раньше, чем «буду делать за нас», даже если «спешу»». Сложил — не «вчетверо» — пополам. Положил в «свечную». Закрыл. Она взяла свою, написала: «Я скажу «в библиотеке душно» до, не после, когда захочется «ехать спасать»». Положила. Перед тем как закрыть крышку шкатулки, она задержала руку и посмотрела на его ладонь, лежащую на столе — параллельно. В «домовом» написала маленькими буквами, не для него — для себя: «сегодня его рука искала стол раньше, чем меня. это тоже «да»».

Свеча «запятая». Дым — тонкой иглой в окно. Комната

стала глубже. Он встал, «дом ровно». На прощание не было «речей». Он сказал только:

— В библиотеке душно — скажу. — И улыбнулся — никакой видимой улыбки — только пальцы на ручке окна сильнее сжались и отпустили.

Ночью она проснулась раньше таймера — по привычке. Пасмурный свет из коридора от «дежурной» лампы вытянулся узкой полосой. Она встала, вышла в коридор. «Третья» ступень сказала шёпотом — влажность на ноль. На секунду прислонила лоб к холодной раме — короткая «точка». Прошла до галереи, проверила «мягкую» ленточку на месте, вернулась. В малой на столе лежала их шкатулка.

Она провела ладонью по крышке — не открывая. Это и был весь «ритуал».

Перед сном она сделала последний круг: поправила бинт у его плеча — на полмиллиметра; подтянула подушку под шею — два пальца; приложила ладонь к его груди — ровный мотор. Он не спал — дыхание чуть длиннее, чем в сне — выдох медленнее, вдох — осторожный. Она ничего не сказала. Пошла в свою — тише, чем лампа. На тумбочке легла тонкая полоска карандашной пыли — от дневных записей — её «да». Дом в эту ночь дышал без «скрипов» — как реставрационная по окончании смены: инструменты на месте,

лампа «на ноль», окно «на палец», бумага — под стеклом. Этого для них было достаточно.

Глава 5 . Письмо

В малой стоял тот самый воздух, в котором удобно разбирать «вещи»: лампа — на полделения ниже, свет ложится полосой; окно — «на палец», струя по кромке стола; на ближнем краю — графин с водой, два стакана; «домовой» — открыт на чистой строке. Лидия вернулась из зала — последняя встреча с уборочными и садовниками прошла ровно. Записала в «домовой» коротко: «15:00 — «уборка/сад», «вопросы»: «детсад», «куртки на осень»; «ответ»: «не закрываем», «скажем раньше, чем «колонка»», «работаем»; «тон: ровно»». Пальцы чуть задержались на кромке стола — параллельно деревянной линии, как рука на якоре.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.